

№ 2222-IV (справа про додержання процедури внесення змін до Конституції України) // Офіційний вісник України. – 2010. – № 77. – С. 7. – Ст. 2597.

8. Про внесення змін до деяких законодавчих актів України щодо приведення їх у відповідність із Конституцією України : Закон України від 7 жовтня 2010 року № 2592-VI // Відомості Верховної Ради України. – 2011. – № 10. – С. 460. – Ст. 63.

9. Ващенко Ю. Проблеми правового статусу Національної комісії регулювання ринку комунальних послуг України / Ю. Ващенко // Вісник Київського національного університету імені Тараса Шевченка. – 2010. – Вип. 85. – С. 22–26.

10. Про оптимізацію системи центральних органів виконавчої влади : Указ Президента України від 9 грудня 2010 року № 1085/2010 // Офіційний вісник України. – 2010. – № 94. – С. 15. – Ст. 3334.

11. Про внесення змін до деяких законодавчих актів України щодо національних комісій, що здійснюють державне регулювання природних монополій, у сфері зв'язку та інформатизації, ринків цінних паперів і фінансових послуг : Закон України від 7 липня 2011 року № 3610-VI // Відомості Верховної Ради України. – 2012. – № 7. – С. 316. – Ст. 53.

12. Про Національну комісію, що здійснює державне регулювання у сфері комунальних послуг : Указ Президента України від 23 листопада 2011 року № 1073/2011 // Офіційний вісник України. – 2011. – № 94. – С. 55. – Ст. 3421.

13. Про ліквідацію Національної комісії, що здійснює державне регулювання у сфері комунальних послуг : Указ Президента України від 27 серпня 2014 року № 692/2014 // Офіційний вісник Президента України. – 2014. – № 37. – С. 19. – Ст. 1559.

14. Про ліквідацію Національної комісії, що здійснює державне регулювання у сфері енергетики : Указ Президента України від 27 серпня 2014 року № 693/2014 // Офіційний вісник Президента України. – 2014. – № 37. – С. 20. – Ст. 1560.

15. Про Національну комісію, що здійснює державне регулювання у сферах енергетики та комунальних послуг : Указ Президента України від 27 серпня 2014 року № 694/2014 // Офіційний вісник Президента України. – 2014. – № 37. – С. 20. – Ст. 1561.

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СУБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЫ ЗАВЕДОМО ЛОЖНОГО СООБЩЕНИЯ О СОВЕРШЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Юлия КАЛИНИЧЕНКО,

соискатель кафедры уголовного права № 1

Национального юридического университета имени Ярослава Мудрого,
старший прокурор отдела защиты конституционных прав и свобод граждан
Управления защиты прав и свобод граждан и интересов государства
Генеральной прокуратуры Украины

Summary

The article is devoted to the research of the subjective side of deliberately false denunciation about the crime. It determines that the only required sign of it is the wine in the form of direct intent, because of the formal corpus delicti of this crime and direct indication in the text of the law on deliberately sign. It explains the content of the intellectual and volitional moment of direct intent. The paper points to the need to include in criminal characteristics of this crime the motive and the purpose, it outlines the most common motives of committing this crime and proves the existence of the intermediate and final purpose of the crime.

Key words: subjective side, deliberately false denunciation about the crime, direct intent, deliberately, motive, purpose.

Аннотация

Статья посвящена исследованию субъективной стороны заведомо ложного сообщения о совершении преступления. Устанавливается, что ее единственным обязательным признаком является вина в виде прямого умысла, что обуславливается формальным составом данного преступления, а также прямым указанием в тексте закона на признак заведомости. Раскрывается содержание интеллектуального и волевого момента прямого умысла. Приводятся аргументы в пользу необходимости включения в уголовно-правовую характеристику анализируемого преступления мотива и цели, устанавливаются наиболее распространенные мотивы его совершения, а также обосновывается наличие промежуточной и конечной цели данного преступления.

Ключевые слова: субъективная сторона, заведомо ложное сообщение о совершении преступления, прямой умысел, заведомость, мотив, цель.

Постановка проблемы. Деяние как акт человеческого поведения – это единство его внешней (объективной) и внутренней (субъективной) сторон. Последняя представляет собой психическую деятельность лица, отражающую отношение его сознания и воли к совершаемому общественно опасному деянию и его последствиям. Находясь во взаимосвязи с другими элементами состава преступления, субъективная сторона имеет отличную от них природу, поскольку является непосредственным продуктом сознания [1, с. 3]. Это в свою очередь обуславливает особенности восприятия субъективной стороны, которая, в отличие от субъекта, объекта и объективной стороны преступления, воспринимаемых непосредственно с помощью органов чувств (зрения, слуха, осязания), познается только путем анализа

и оценки объективных характеристик преступления: содержания действий или бездействия, способа их совершения, используемых орудий и средств и так далее [2, с. 629]. Безусловно, с этим связаны сложности исследования субъективной стороны состава преступления (в том числе заведомо ложного сообщения о совершении преступления).

Актуальность темы исследования объясняется тем, что в настоящее время в науке уголовного права неразрешенной остается проблема набора и содержания признаков, характеризующих субъективную сторону заведомо ложного сообщения о совершении преступления. Это связано прежде всего со способом законодательного формулирования диспозиции ст. 383 Уголовного кодекса (далее – УК) Украины, который не позволяет дать однозначный ответ на данные вопросы, в то

время как от правильного толкования закона зависит успешное решение задач квалификации совершенного преступления и привлечения виновного к уголовной ответственности.

Состояние исследования. Вопросы субъективной стороны заведомо ложного сообщения о совершении преступления в разные периоды разрабатывались многими учеными, в частности И.С. Власовым, И.М. Тяжковой, А.А. Закастовым, Ш.С. Рашковской, М.Х. Хабибуллиным и другими, труды которых хотя и основывались на раннее действующем УК Украины 1960 г., однако послужили теоретической базой для дальнейших исследований в данном направлении. Следует также отметить ощутимый вклад в разработку субъективной стороны анализируемого преступления российских ученых, таких как А.В. Бриллиантов, Р.Н. Косевич, С.В. Смолин, И.В. Дворянсков, И.А. Фаргиев и другие. Что касается современного состояния исследуемой проблемы в украинской науке уголовного права, то после принятия УК Украины 2001 г. ей надлежало бы уделяться. Отдельные ее аспекты достаточно кратко изложены в учебной литературе и научно-практических комментариях к ст. 383 УК Украины, а также в некоторых монографических изданиях, посвященных общей характеристике преступлений против правосудия (научные работы А.С. Беницкого, В.И. Тютюгина, Ю.В. Александрова, С.С. Мирониченко и других авторов).

Цель статьи заключается в изучении субъективной стороны заведомо ложного сообщения о совершении преступления, определении набора ее юридических признаков, установлении их содержания и значения для оценки общественной опасности совершенного деяния.

Изложение основного материала. В науке уголовного права к юридическим признакам субъективной стороны состава преступления традиционно относят вину, мотив и цель совершения преступления. При этом основным обязательным признаком, определяющим наличие самой субъективной стороны состава преступления, является вина. УК Украины 2001 г. впервые в истории отечественного законодательства в ст. 23 закрепил законодательное определение вины как

психического отношения вменяемого лица к совершенному им общественно опасному деянию и его последствиям в форме умысла или неосторожности, что лишней раз подтверждает обязательность этого признака для установления субъективного основания уголовной ответственности. Что касается мотива и цели совершения преступления, то с точки зрения уголовного права они являются факультативными признаками субъективной стороны состава преступления, которые приобретают значение обязательных лишь в случаях, когда они прямо указаны или однозначно вытекают из содержания соответствующего закона.

Учитывая, что ни мотив, ни цель заведомо ложного сообщения о совершении преступления не указаны в диспозиции ч. 1 ст. 383 УК Украины и однозначно не вытекают из ее содержания, единственным обязательным признаком субъективной стороны предусмотренного данной нормой состава преступления является вина (за исключением ч. 2 ст. 383 УК Украины, где содержится указание на корыстный мотив). Что касается вида вины, то в данном случае возможен только прямой умысел. Объясняется это прежде всего принадлежностью рассматриваемого преступления к преступлениям с формальным составом, в которых косвенный умысел не возможен, так как виновный, сознательно совершив деяние, уже не может его предполагать в силу того, что оно уже стало фактом объективной действительности. Второй аргумент, который традиционно приводится в пользу именно прямого умысла в составе преступления, предусмотренного ст. 383 УК Украины, – это указание в тексте закона на такой признак, как заведомость.

В словаре С.И. Ожегова слово «заведомый» понимается как хорошо известный, несомненный, а «заведомая ложь» определяется как хорошо известная, несомненная для лица неправда [3, с. 253, 420]. Применительно к заведомой ложности сообщения о преступлении это означает, что лицо, сообщая ложные сведения о совершении преступления, должно быть проинформировано об их несоответствии действительности. Ввиду этого заведомость предполагает прямой умысел, при котором лицо осознает ложность

сообщаемых им сведений о совершении преступления и желает их сообщить. Таким образом, рассмотрим содержание прямого умысла при совершении заведомо ложного сообщения о совершении преступления.

В соответствии со ст. 24 УК Украины преступление признается совершенным с прямым умыслом, если лицо, его совершившее, сознавало общественно опасный характер своего деяния (действия или бездействия), предвидело его общественно опасные последствия и желало их наступления. Очевидно, что такая формула прямого умысла рассчитана на преступления с материальным составом, в которых интеллектуальный момент состоит в осознании лицом общественной опасности деяния и предвидении его общественно опасных последствий, а волевой – в желании наступления этих последствий. А поскольку преступление, предусмотренное ст. 383 УК Украины, имеет формальный состав, то интеллектуальный и волевой момент умысла следует определять не по отношению к последствиям, а относительно самого деяния.

Поэтому интеллектуальный момент прямого умысла исследуемого преступления заключается в осознании лицом прежде всего фактических признаков (обстоятельств) совершенного деяния (объекта, предмета, объективной стороны и так далее), а через них – и его общественной опасности. Так, при заведомо ложном сообщении о совершении преступления сознанием лица охватывается то, что оно посягает на общественные отношения в сфере осуществления правосудия, а если при этом обвиняется другое лицо в совершении преступления, то им осознается и факт несовершенности обвиняемым лицом данного преступления. Кроме того, виновный осознает, что сообщает информацию, которая очевидно для него не соответствует действительности. Причем требуется, чтобы он хотя бы в общих чертах понимал, что деяние, о котором он сообщает, является именно преступлением, а не иным правонарушением, независимо от того, может ли он дать точную уголовно-правовую оценку этому деянию. Также сознанием лица охватываются признаки объективной стороны, в частности, что ложные сведения подаются соответствующим

шему адресату, имеющему право возбуждать досудебное расследование или осуществлять определенные функции в этой сфере. Кроме того, такое лицо осознает, что оно либо сообщает о преступлении, которого вообще не было в реальности, либо искажает определенные обстоятельства реально совершенного преступления. Безусловно, в содержание интеллектуального момента прямого умысла должен входить также признак заведомости, ведь если ложность сообщенных сведений о совершении преступления стала для лица очевидной уже после их предоставления, то состава преступления, предусмотренного ст. 383 УК Украины, не будет. В связи с этим следует согласиться с мнением С.В. Смолина, который рассматривает заведомость как особое свойство интеллектуального элемента умысла при заведомо ложном доносе (ст. 306 УК Российской Федерации), соотносимое с ним как форма (интеллектуальный элемент) и содержание (заведомость) [4, с. 19]. Таким образом, осознание совокупности фактических признаков совершенного преступления дает возможность виновному понимать социально негативный характер своего деяния, его значительную общественную опасность для охраняемых законом общественных отношений.

Что касается волевого момента прямого умысла, то он заключается в желании совершить деяние, то есть сообщить указанным в законе органам или компетентным лицам ложную информацию о совершении преступления, чем ввести их в заблуждение относительно истинного положения дел. Поэтому если лицо не осознавало ложность сообщаемых им сведений или добросовестно заблуждалось в оценке их правдивости и не желало ввести в заблуждение указанные органы или их должностных лиц, то уголовная ответственность исключается.

Вообще сообщение ложной информации о совершении преступления может представлять собой заведомую неправду (когда лицо достоверно знает, что сообщает сведения, не соответствующие действительности, и делает это намеренно) или ошибку (которая является неправильным представлением лица о реальном юридическом или фактическом характере совершенного им действия или бездействия и его

последствиях) [5, с. 280; 6, с. 33–34]. В случае сообщения ложных сведений о совершении преступления может наблюдаться два проявления. Первое имеет место, когда лицо считает сообщаемые им сведения ложными, тогда как на самом деле они являются достоверными. В такой ситуации действия лица следует квалифицировать по направленности умысла как покушение на заведомо ложное сообщение о совершении преступления. Второе проявление ошибки имеет место, когда виновный, сообщая сведения о совершении преступления, считает их правдивыми, а на самом деле они являются ложными. Очевидно, что в последнем случае речь может идти либо о неосторожной ошибке, при которой лицо сообщает ложную информацию о совершении преступления, легкомысленно или небрежно считая ее правдивой, либо о добросовестном заблуждении, при котором лицо не осознает и по обстоятельствам дела не может и не должно осознавать ложный характер сообщаемых им сведений, хотя при необходимой осмотрительности и критическом отношении к основаниям, приведшим его к такому выводу, оно могло бы определить ложность своего умозаключения.

Особое внимание в контексте субъективной стороны заведомо ложного сообщения о совершении преступления следует уделить рассмотрению мотива и цели совершения преступления. Хотя украинский законодатель не счел нужным непосредственно в диспозиции ч. 1 ст. 383 УК Украины (где приведены признаки основного состава преступления) указать цель и мотив совершения преступления, последние подлежат установлению на основании указания на это в п. 2 ч. 1 ст. 91 Уголовного процессуального кодекса Украины. Более того, выяснение мотива и цели преступного поведения позволяет более точно оценить характер и степень общественной опасности преступления и личности преступника для адекватного определения параметров уголовной ответственности [7, с. 496]. Поэтому следует согласиться с мнением В.И. Борисова и А.А. Пашенко, которые отмечают, что мотив (как и мотивация в целом, предшествующая формированию мотива и целей) должен отражаться в уголовно-правовой

характеристике совершенного преступления [8, с. 188].

Как показало изучение судебной практики, наиболее распространенными мотивами заведомо ложного сообщения о совершении преступления являются такие: корысть (22,2% случаев), сокрытие преступления, иного правонарушения или аморального поступка (20,1% случаев), сокрытие действительного преступника (2,1% случаев), личные неприязненные отношения (13,3% случаев), месть (6,7% случаев), хулиганские побуждения, страх, стремление разыскать утерянное имущество, выдавая его за похищенное, и тому подобное (35,6% случаев). При этом преобладают негативные с точки зрения моральной и правовой оценки мотивы корыстной направленности, хотя не исключены также случаи совершения данного преступления по нейтральным и даже позитивным мотивам (например, из сострадания, стремления помочь знакомым или родственникам и так далее). Это, безусловно, должно учитываться при характеристике личности виновного и назначении ему наказания.

Что касается цели заведомо ложного сообщения о совершении преступления, то среди ученых нет единого подхода к решению вопроса о ее обязательности для исследуемого состава преступления. Одни ученые (в частности, А.С. Беницкий, Ю.И. Кулешов, В.И. Тютюгин) не признают цель обязательным признаком заведомо ложного сообщения о совершении преступления [9, с. 541; 10, с. 251; 11, с. 74]. Другие специалисты отстаивают позицию, что цель совершения преступления, хоть прямо и не указывается в законе, однозначно следует из его содержания. Так, по мнению А.В. Наумова и Л.В. Иногамовой-Хегай, такой целью в составе заведомо ложного сообщения о совершении преступления является возбуждение уголовного дела или привлечение конкретного лица к уголовной ответственности [12, с. 475–476; 13, с. 650], а по убеждению С.В. Смолина, – введение органов досудебного расследования или суда в заблуждение относительно признаков и обстоятельств преступления [4, с. 19].

Проанализировав изложенные мысли сторонников признания цели обязательным признаком субъектив-

ной стороны состава рассматриваемого преступления, отметим, что вряд ли будет правильным вывод о наличии специальной цели в составе данного преступления. Не вызывает сомнений факт, что обвинение в совершении преступления и привлечение к уголовной ответственности заведомо невиновного лица, возбуждение уголовного производства, введение в заблуждение относительно признаков преступления органов досудебного расследования, прокуратуры и суда могут быть следствиями заведомо ложного сообщения о совершении преступления, однако это не означает, что они обязательно являются целью этого преступления. Считаем, что в данном случае стремление причинить ущерб интересам правосудия – это не самоцель, а способ достижения конечного результата.

Подтверждением сказанного выступают также материалы проведенного исследования, из которых следует, что чаще всего целью совершения преступления является сокрытие преступления или административного правонарушения во избежание привлечения к ответственности (40% случаев), стремление отомстить и обвинить невиновное лицо в совершении преступления (22,2% случаев), получение материальной выгоды (11,1% случаев), возврат утраченного по своей вине имущества (6,7% случаев). В остальных 20% случаев в приговоре суда цель вообще не указывается, а только отмечается, что преступление совершено в состоянии алкогольного опьянения. Изложенное позволяет сделать вывод о наличии промежуточной цели заведомо ложного сообщения о совершении преступления, которая состоит во введении органов досудебного расследования, прокуратуры или суда в заблуждение относительно признаков и обстоятельств преступления, и конечной цели, имеющей, как правило, личностный оттенок (например, сокрытие преступления или настоящего преступника, корыстная цель, стремление отомстить, разыскать и вернуть с помощью правоохранительных органов утраченные вещи и так далее).

Выводы. Заведомо ложное сообщение о совершении преступления – это преступление, которое может быть совершено только с прямым умыслом и состав которого не предусматривает

мотив и цель в качестве обязательных признаков его субъективной стороны (за исключением корыстного мотива, указанного в ч. 2 ст. 383 УК Украины как квалифицирующий признак). Последние не влияют на квалификацию деяния, однако их установление имеет важное значение для оценки общественной опасности данного преступления, назначения справедливого наказания, а также применения ряда других уголовно-правовых норм, предполагающих учет личности виновного.

Список использованной литературы:

1. Лунеев В.В. Субъективное вменение / В.В. Лунеев. – М. : Спарк, 2000. – 70 с.
2. Энциклопедия уголовного права : в 4 т. – СПб. : Изд. проф. Малинина, 2005– . – Т. 4 : Состав преступления. – 2005. – 798 с.
3. Ожегов С.И. Словарь русского языка : [около 53 000 слов] / С.И. Ожегов ; под общ. ред. Л.И. Скворцова. – 24-е изд., испр. – М. : Оникс ; Мир и Образование ; Астрель, 2011. – 1200 с.
4. Смолин С.В. Уголовная ответственность за ложный донос : автореф. дисс. ... канд. юрид. наук : спец. 12.00.08 / С.В. Смолин ; Всероссийский науч.-исследоват. ин-т МВД РФ. – М., 2012. – 29 с.
5. Вереша Р.В. Помилка в кримінальному законодавстві зарубіжних країн / Р.В. Вереша // Вісник Академії адвокатури України. – 2009. – Число 1(14). – С. 280–282.
6. Якушин В.А. Ошибка и ее уголовно-правовое значение / В.А. Якушин ; науч. ред. Ф.Р. Сундунова. – Казань : Изд-во Казанского ун-та, 1988. – 128 с.
7. Дворянсков И.В. Цель в посягательствах на правосудие / И.В. Дворянсков // Категория «цель» в уголовном, уголовно-исполнительном праве и криминологии : матер. IV Российского конгресса уголовного права (28–29 мая 2009 г.). – М. : Проспект, 2009. – С. 495–498.
8. Борисов В.І. До питання про сутність кримінально-правової характеристики злочинів / В.І. Борисов, О.О. Пашенко // Вісник Академії правових наук України. – 2005. – № 3(42). – С. 180–190.
9. Кримінальне право: Особлива частина : [підручник] / за ред. О.О. Дудорова, Є.О. Письменського. – Луганськ : Елтон-2, 2012. – 704 с.
10. Полный курс уголовного права : в 5 т. / под ред. А.И. Коробеева. – СПб. : Юридический центр Пресс, 2008– . – Т. 5. – 2008. – 951 с.
11. Злочини проти правосуддя : [навч. посібник] / за заг. ред. В.І. Борисова, В.І. Тютюгіна. – Х. : Нац. ун-т «Юрид. академія України ім. Ярослава Мудрого», 2011. – 160 с.
12. Наумов А.В. Российское уголовное право : [курс лекций] : в 3 т. / А.В. Наумов. – 4-е изд., перераб. и доп. – М. : Волтерс Клувер, 2007– . – Т. 1 : Общая часть. – 2007. – 736 с.
13. Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть : [учебник] / под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай, А.И. Рагоз, А.И. Чучаева. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Контракт ; Инфра-М, 2008. – 800 с.